

ЖИЗНЬ после жизни

Марина НЕСТЬЕВА

"Олег Каган. Жизнь после жизни" — так называется замечательный фильм Андрея Хржановского, ставший памятником выдающемуся российскому скрипачу. Международный фестиваль в Кройте, на юге Германии, который проводится в честь прославленного музыканта каждое лето, тоже памятник его творчеству. Восьмой раз он возводится в этом потрясающем месте, где все дышит покоем и волей, месте, где все отмечено красотой, целомудрием и торжественным величием, где горы напоминают человеку о его миссии и где человеку дано возвыситься сознанием своей духовности.

Олег Каган был не только крупным музыкантом, но и крупной личностью. Он понимал, что самое главное для человека, особенно творческого, не внешняя, а **внутренняя свобода**. И такой свободой обладал в полной мере. Поэтому, наверное, его не привлекала ни помпезность, ни суета. Поэтому, наверное, и в музыке он стремился достичь предельной глубины, дойти до самой сути.

Осуществилась мечта Олега Кагана об организации своего фестиваля. Он его открыл вместе со своей женой, великой виолончелисткой нашего времени, Наталией Гутман в 1990 году, за три дня до своего ухода. С тех пор она каждый год проводит фестиваль, и дух Олега возвращается сюда.

И на этот раз в Кройт съехалось множество музыкантов из разных стран. Знаменитые: певец из Германии Петер Шрайер, швейцарский кларнетист Эдуард Бруннер, камерные оркестры из Мюнхена, Амстердама и Финляндии; наши самые-самые: Элисо Вирсаладзе и Алексей Любимов, Виктор Третьяков и Юрий Башмет, Наталия Гутман и Александр Рудин; молодые, но уже известные, — пианист Евгений Кисин и скрипач Максим Венгеров. Что объединило их всех? Девиз фестиваля: испытать радость прикосновения к музыке и удовольствие от совместного музицирования, от близости к другой творческой личности. Возникло действительно духовное братство.

В том отрезке фестиваля, который мне удалось посетить, проявились, кажется, все его основные тенденции. Посвятить музицирование великим композиторам — Шуберту, Мендельсону, Брамсу, даты жизни и смерти которых приходятся на этот год (200-летие Шуберта, 150-летие и 100-летие со дня кончины Мендельсона и Брамса).

Поставить рядом с классиками их продолжателей, чтобы создать новый контекст, обогатить картину музыкального целого. Так Баха сопровождал Ксенакис, Дворжак и Барток — Брамса. Познакомилась публика и с латышом Ваксом, и с петербуржцем Кнайфелем, музыкой "новых" китайцев.

Несмотря на очень высокий ранг исполнителей, почти никто — это, видимо, тоже принцип — не выступал на фестивале солистом. Зато какие только ансамбли ни прозвучали — множество самых разных дуэтов, трио, квартеты, квинтеты и даже октет; такие сверхзнаменитые произведения, как Трио Шостаковича памяти Соллертинского, Кларнетовый квинтет Брамса или "Форельный" — Шуберта, но и редко звучащие ансамбли Моцарта, И.Штрауса. На одном из вечеров, правда, два музыканта выступали поочередно солистами в каждом отделении: Александр Рудин и немецкая ударница Бабетте Хааг. Однако и это был как бы "дуэт на расстоянии" — так выглядел их "обмен" сюитами Баха. Рудин сыграл на виолончели Сюиту № 5 c-moll, Хааг — в собственной обработке для маришбы виолончельную же сольную Сюиту № 3 G-dur, захватив слушателей поразительным слиянием пластики и звука в своем артистическом облике, что сполна подтвердилась и в завершающей эту

оригинальную программу блестящей пьесе Ксенакиса.

В каждом музыкальном содружестве тот или иной исполнитель раскрывал новую грань своего таланта. И сходились разные "точки зрения", разные индивидуальности отзывались на зов друг друга, чтобы услышать высшее единство музыки.

Не знаю, выбирала ли Н.Гутман как художественный руководитель фестиваля музыкантов с определенной исполнительской манерой. Но такая манера явно ощущалась как **сходное отношение к музыке**. Живая трепетная фраза, свободный, в постоянно внутреннем движении ритм, еле заметные темповые сдвиги, словно говорящая звуковая ткань: "Подобное состояние отчетливо чувствуется, когда плывешь на корабле. Море — как будто ровная поверхность, корабль — вроде, тоже, но при этом — осязаемое состояние неустойчивости. Я говорю о логически-упорядоченном состоянии неустойчивости, без которого музыки нет. Эти особенности исполнения, прекрасно сформулированные А.Рудиным, тоже возвращали нам Олега Кагана, который им следовал в своей собственной игре. Возвращали его облик и через семью продолжателей и хранителей художественных заветов музыканта. В концертах участвовали: Маша Каган, сын Н.Гутман и ученик Олега — Святослав Мороз. Упорно занимается и готов принять эстафету из рук старших скрипач Александр Каган. Совместное музицирование дополнялось совместной трапезой, вечерними прогулками, общением в согласии и спорах. В те четыре дня, что я присутствовала в Кройте, там были свои герои, те самые центры притяжения, вокруг которых концентрировалась художественная жизнь. Это, конечно, сама Наталия Гутман, чья игра полна духовного напряжения и одновременно светлого утешения. Прав Гаккель, сказавший: "Когда я слышу и вижу Наталию Гутман, мои поиски прекрасного завершаются".

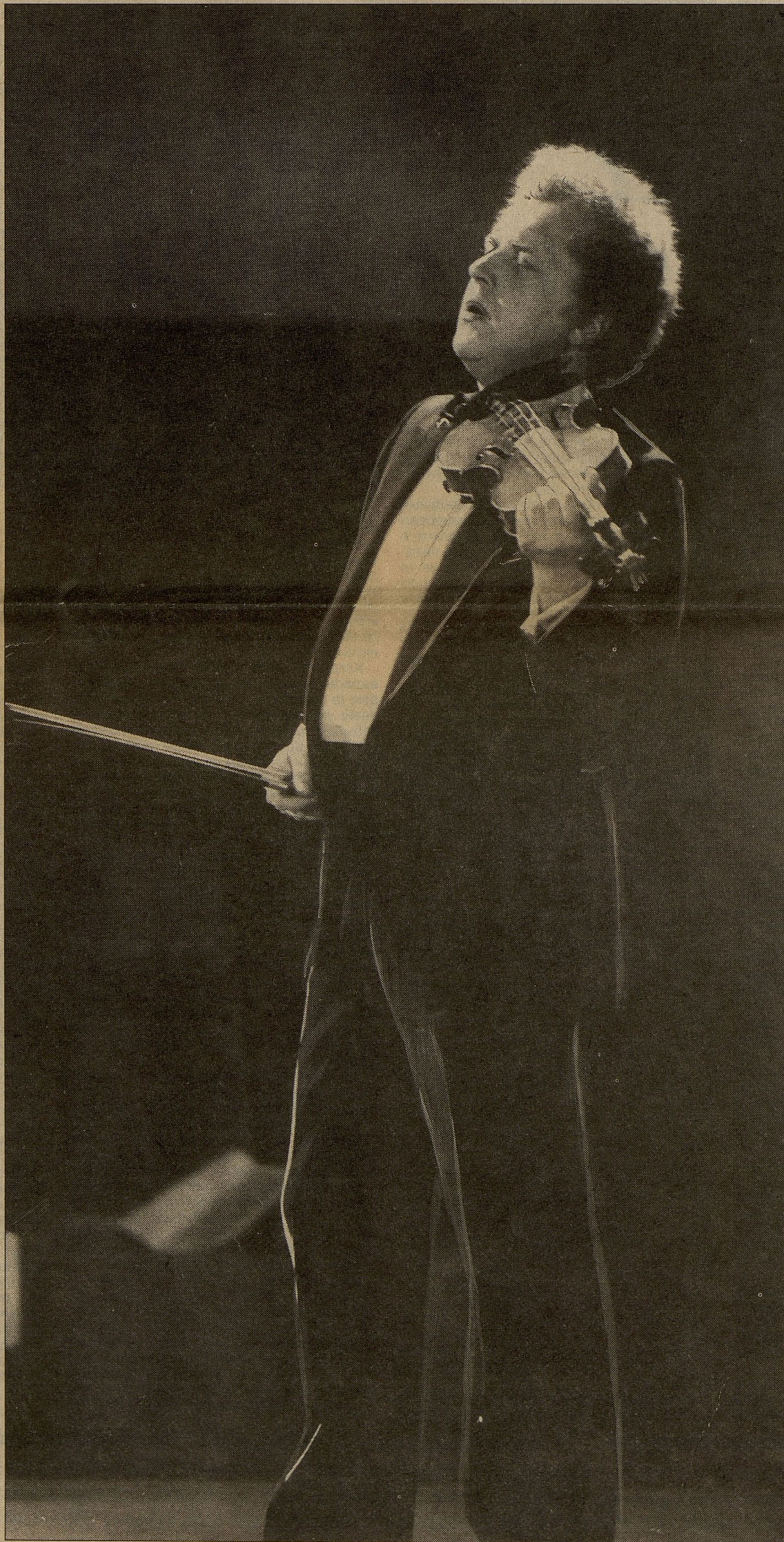
Алексей Любимов — моцартиански гармоничный в драгоценном сплыве глубины и простоты, скромности и мощи, властной индивидуальности и добровольном подчинении автору, интересам ансамбля.

Играет ли Александр Рудин на виолончели, фортепиано или дирижирует оркестром, он всегда необыкновенно органичен любому стилю (кажется, это чувства стиля — от природы!) и свободен — от механистичности и штампов.

Кройтовское братство в том или ином виде продолжается и в Москве. Многие и здесь музицируют вместе, придумывают новые программы, проводят фестивали, например, Рудин — "Московские собрания". В них вовсе нет высоколостности, снобизма, как истинные аристократы духа они демократичны. Это заметно и в граждански-художественной позиции. Они действительно граждане мира, но считают для себя необходимым просвещать родину, которая находится в "культурной опасности". Однако таких высоких слов, разумеется, никто из них не произносит.

Вернемся в Кройт и скажем слова благодарности организаторам фестиваля и прежде всего его бесценной руководительнице Рените Энгель-Ашофф, в руках которой все нити и которая отдает тепло своего сердца и приезжающей в это благословенное место публике, и, конечно, многочисленным исполнителям.

Фестиваль кончился. У его устроителей, прежде всего самой Гутман, мысли о следующем. Каким он будет? Есть намерение показать перспективу композиторов XX века и выдвинуть талантливую молодежь. Пусть удастся и это, и многое другое ради поддержания духовного братства, объединенного славным именем Олега Кагана.

Экран и сцена

Каган Олег

25.09.-2.10.97